

Шульга П.И.
(г. Барнаул)

ПОСЕЛЕНИЕ КУРОТИНСКИЙ ЛОМ

3 ходе проводимых автором работ по выявлению и изучению древних поселений Горного Алтая в 1987г. у с. Туекта проведено сплошное обследование пятикилометрового участка долины р. Урсул. Обнаружено пять поселений, относящихся к раннему железному веку и средневековью (рис. 1). Раскопки проводились на аварийном поселении Куротинский Лог-1. Поселение находится в логу на левобережной террасе р. Урсул, в двух километрах к востоку от с. Туекта и около 5 км от расположенного между селом и склоном горы туектинского могильного поля, насчитывающего сотни курганов, выкладок и культовых сооружений (Руденко, 1960, с. 93-96). Куротинский Лог представляет собой ответвление долины шириной до 400 м и длиной до 1.5 км, постепенно повышающейся к северо-востоку и связанное седловиной с долиной р. Курота (рис. 1). На распахиваемом участке были проведены сборы - керамики и кости встречались на протяжении 400 м. В небольшом количестве найдены каменные отщепы, фрагменты афанасьевской керамики и эпохи бронзы. Основную массу находок составляли фрагменты сосудов скифского времени. Несколько венчиков относятся к средневековью. До начала работ в 1988 г. на поселении хорошо прослеживались три жилищные западины, протянувшиеся в линию с ЮЗ на СВ с промежутками 6-8 м. Все западины имели одинаковые размеры - около 7х4 м, глубину - 10-20 см. Одна из них была включена в раскоп. Уже под дерном встречалась керамика раннего железного века. На глубине -26 см от поверхности найден железный черешковый нож, в центре - остатки глиняной печи с обломками чугунного котла, с клеймом "33". жилища можно отнести к XIX-нач. XX вв. н. э., так как старожилы их не помнят. Керамика скифского времени попала в западину в результате распашки. В последствии оставшиеся западины были уничтожены картофельным полем.

Раскопки 1988 и 1992 гг. (в 1992г. совместно с археологами ГАНИИИЯЛ) показали, что на месте исследованного участка в устье небольшого ложка имеется только слой раннего железного века. Мощность культурного слоя равна 20-30 см, местами до 40 см. Материк - суглинок с вкраплениями гравия - залегал на глубине 60-70 см от уровня современной поверхности. Большинство находок концентрировалось в центральной части раскопа между очагами №1. и №2 и к юго-востоку от них (рис. 2). В квадратах по линии Г и Д культурный слой отличался особенно высокой степенью насыщенности мелкими фрагментами керамики (частью побывавшей в огне), костями и мелкими угольками. Вероятно, в определенный период существования поселения сюда выбрасывались зола и мусор из очагов более поздних жилищ. Выявлено 10 хозяйственных ям. Большинство из них мелкие, заглублялись в материк на 6-32 см. Ямы №№ 2, 3, 5, 6, 9 диаметром 20-35 см расположены в ряд с интервалом 2-3 м и, видимо, с ямой №1 представляют собой столбовые ямы (рис. 2). В отдельную группу выделяются ямы №№ 4, 8, 10. Все они заглублены в материк

на 5-15 см и содержат преимущественно кости домашних животных, немного керамики. Другие объекты описываются отдельно.

Очаг №1. Представлял собой яму диаметром 80 см с прокаленными краями, глубиной -60 см. В верхнем заполнении ямы в ее южной части зачищено пять сланцевых плит размерами до 50x35x10 см. Здесь же находились развал нижней части плоскодонного сосуда, более пятидесяти фрагментов керамики, некоторые из которых украшены в одну строчку жемчужинами или вдавлениями, зола и угли. К востоку от очага обнаружено ребро-лощило (рис. 5-3).

Очаг №2. Представлял собой сооружение размерами 90x100 см в виде буквы "П" из стоящих на ребре сланцевых плит размерами до 55x22x8 см. В очаге не было глиняной подсыпки, в небольшом количестве встречены зола, угли, керамика и кости животных. К северо-западу находилось скопление материкового суглинка, к востоку - две крупные плиты и небольшие камни, выложенные по линии на восток (рис. 2). Вокруг очага найдено значительное количество фрагментов керамики, кости животных, два куранта и плоский камень, служивший заготовкой для куранта (рис. 5-9, 10).

К востоку от очага №2 зачищено три обширных округлых понижения, восточные части которых незначительно (на 5-12 см) заглублены в материк. Нахождение в скоплении №3 фрагментов керамики и от сосудов у очага №2 указывает на взаимосвязь и одновременность этих сооружений. Во всех понижениях, названных скоплениями находок №№1, 2, 3 находились угли, кости животных и керамика. Здесь найдено две заготовки курантов (рис. 5-11), обломок куранта, курант, изготовленный из нижнего камня зернотерки (рис. 5-8); обломок зернотерки (рис. 5-6), изделия из кости и рога (рис. 2; 5-1). У скопления №3 в культурном слое обнаружена костяная панцирная пластинка (рис. 5-2).

Наличие очагов, столбовые ямы, отсутствие у очагов и скоплений №№1, 2, 3 надматерикового слоя гумусированного суглинка (скрытого в древности) указывают на существование здесь жилища площадью не менее 30 м². Поскольку это было наземное сооружение, то его размеры несомненно превышали участок с выбранным слоем гумусированной супеси (около 24 м²). По-видимому, очаг №1 и скопление находок №1 появились позже очага №2 и связанного с ним скопления находок №3 (возможно, и скопления №2). Незначительность вскрытой площади не позволяет определить назначение столбовых ям, так как столбовые конструкции не были нужны при строительстве пазырыкских рубленых домов. Других же типов жилищ, кроме шатрового с опорой в центре (Ело-5), для раннего железного века в Горном Алтае мы пока не знаем.

На поселении получено сравнительно большое количество керамического и остеологического материала. Всего найдено 223 венчика, в том числе 64 происходят из сборов. Преобладали сосуды баночных форм (рис. 4-1-5, 9,10) и чаши (рис. 4-6-8). Горшковидных сосудов в развалах не найдено; возможно, к ним относятся несколько отогнутых наружу венчиков и фрагмента одного из двух сосудов с носиком-сливом.

Вся посуда плоскодонная. Кувшины, традиционно встречаемые в пазырыкских погребениях не обнаружены. Редки они и на других поселениях. Например, на поселении Элекмонар-4 (Шульга, 1995) к этой керамике могут быть отнесены 2-3 фрагмента шеек и один венчик от миниатюрного кувшинчика (?).

Надо полагать, у пазырыкцев существовала бытовая (банки, горшки и чаши) и преимущественно погребальная (кувшины) керамическая посуда. Аналогичная ситуация и на сопредельных территориях: кувшиновидные сосуды в раннем железном веке редко встречаются на поселениях в северных предгорьях и лесостепном Алтае (Грязнов, 1956, с. 95; и др.). Поэтому нельзя согласиться с традиционной точкой зрения о широком использовании пазырыкцами в быту кувшиновидных сосудов (Руденко, 1953, с. 91; Он же. 1960, с. 201; Кубарев, 1991, с. 59 и др.). На наш взгляд, кувшины имели сакральное значение и изготавливались преимущественно для похорон. Осмысливались они как "дорожная посуда" в загробный мир, где годились деревянные имитации (идеи) кинжалов, чеканов, стрел и даже самого умершего (мумифицированные останки и кенотафы). Пазырыкский кувшин являлся такой же имитацией (идеей) дорожного кожаного или рогового сосуда. В пользу этого предположения говорит и обычай наносить на лепные валики, предгорный вариант которых (один горизонтальный валик и несколько примыкающих к нему вертикальных) однозначно трактуется как имитация швов на кожаных сосудах (Завитухина, 1966, с. 73; Бородовский, 1983 и др.). Форма горноалтайских кувшинов, орнаментация валиками, аппликациями и краской, по-видимому, копирует использовавшиеся в быту кожаные фляжки и фляги типа найденных в Пазырыкских курганах (Руденко, 1953, рис. 45, табл. ХСШ, 2). Вместе с тем нельзя забывать о возможном влиянии позднебронзовой валиковой керамики и тенденции к изменению самой керамической погребальной посуды в соответствии с религиозными представлениями или практической целесообразностью (Кубарев, 1987, с. 45), инокультурным влиянием. Очевидно, применялись в быту и кувшины из рога, подобные найденным новосибирскими археологами на плато Укок в пазырыкских могильниках Ак-Алаха-III и Верх-Кальджин-II (Молодин, 1995, с. 88). Вполне вероятно, что "роговые односторонние барабаны" из Второго, Третьего и Пятого Пазырыкских курганов, у одного из которых "все швы замаскированы . . . золотыми пластинками с веревочным орнаментом" (рис. 6-12; Руденко, 1953, с. 324, рис. 189, с. 325), есть нечто иное, как роговые сосуды с кожаным дном. Такая интерпретация кажется подтверждается находками на реке Сентелек (Чарышский район Алтайского края) в погребениях IV-III вв. до н. э. трех глиняных кувшинчиков аналогичной формы, размеров и орнаментации (рис. 6-13) (Гельмель, Демин, Шульга Н.Ф., Шульга П.И., 1996, с. 111, рис. 1-6).

Для статистической обработки взяты развалы и крупные венчики от 101 сосуда. Соотношение украшающих керамику орнаментальных мотивов в основном соответствует установленному на поселениях с валиковой керамикой (Шульга, 1995, табл. 1). Орнамент обычно расположен чуть ниже венчика в одну строчку: вдавления округлой и каплевидной форм составили 61%,

"жемчужник" - 13%, "жемчужник" с разделителем встречен на трех фрагментах (рис. 4-19, 20, 24). Значительная часть баночных сосудов украшена наклепными валиками (19%). Некоторые сосуды имели только валик (рис. 4-3), но - в большинстве случаев он сочетался со строчкой вдавлений или "жемчужин" (рис. 3; 4). На чашах валики отсутствовали. Орнамент на валиках обычно наносился округлой или плоской палочкой с наклоном вправо, иногда влево или вертикально (рис. 3). На некоторых сосудах встречается одновременно наклоны вправо и влево, образующие зигзаг или сетку (рис. 3-7, 10, 12), при этом вдавления с левым наклоном всегда перекрывают вдавления с наклоном вправо, т. е. наносились они позже. В отличие от поселения на средней Катунь Элекмонар-4, нарезка на валиках встречается редко. Сопутствующий орнамент, за исключением четырех случаев, наносился над валиком. На двух фрагментах валиками обводились отверстия для подвешивания (рис. 3-20). Неорнаментированный валик достоверно встречен только на двух сосудах (рис. 4-3). Пряслица найдены в трех экземплярах (рис. 5-4, 7), два из них изготовлены из стенок сосудов, как и обнаруженная здесь "фишка" (рис. 5-5).

На поселении найдено около 1200 фрагментов костей животных (табл. 1. Все определения сделаны А. В. Гальченко). В результате раскопок 1992 г. количество определимых костей увеличилось более чем вдвое - с 293 до 646 единиц (см. Гальченко, Шульга, 1992, с. 100, табл. 2). Дополнительный материал несколько изменил процентное соотношение между видами домашнего скота в стаде. В стаде преобладала лошадь (42,6%), на втором месте по значимости находится крупный рогатый скот (23%) и мелкий рогатый скот (28,6%). Доля диких животных осталась столь же незначительной - 5, 8% (из них кося 4,7%) от общего количества костей.

Наличие заглубленных в материк жилищ с очагами и столбовыми ямами, довольно мощный культурный слой (20-40 см) говорят о долговременности поселения. Его месторасположение в долине у склонов южной экспозиции, представляющих собой хорошие зимние пастбища, где снег в зимнее время сдувается и растапливается солнцем, позволяет видеть в нем зимник. Основой хозяйства его жителей являлось яллагное скотоводство с незначительными перекочевками на расположенные в 10-20 км летние пастбища. Найденные в жилище зернотерки и куранты, по-видимому, указывают на наличие земледелия (Шульга, 1996а, с. 120). Однако, нахождение жерновов, курантов и зернотерок в пазырыкских курганах на р. Юстыд в Чуйской долине (около 2000 м над ур. моря), в безлесной высокогорной долине Бертек (2200 м над ур. моря) и примыкающей долине Мойнак (Кубарев, 1991, с. 166; Древние ... 1994, рис. 59, 62-1, с. 72, 143; Молодин и др., 1993, с. 23), где земледелие было невозможно, позволяют предположить и другой вариант - на зернотерках растиралось зерно, поставляемое из предгорий или проживавшим неподалеку зависимым населением.

Охота, несомненно, имела большее значение, нежели мы можем заключить из таблиц распределения остеологического материала (табл. 1; Гальченко, Шульга, 1992; Кунгуров, 1994, табл. 2). На поселениях раннего железного века крайне мало костей пушных животных, являвшихся, по мнению С. И. Руденко,

товаром для межплеменного обмена (Руденко, 1953, с. 75). Очевидно, в соответствии с практической целесообразностью и требованиями промысловой магии тушки и кости животных оставались на месте добычи или хранились в определенных местах (Кулемзин, 1984, с. 82-103 и др.). Жители поселка занимались обработкой шерсти (пряслица), кожи (лощила из ребер лошади, рис. 5-3) и кости. Материалом для незавершенного изделия (светильника или подпружной пряжки) послужил рог марала (рис. 5-1). Из кости (рога?) изготовлена и прямоугольная панцирная пластинка. Ее первоначальная длина около 75 мм, ширина 18-21 мм, толщина 4-5 мм. На концах пластинки расположено по паре сквозных отверстий диаметром 3 мм, по центру имелось три сквозных отверстия диаметром 3-4 мм (рис. 5-2).

Датировка и культурная принадлежность.

На поселении не найдено узкодатируемых вещей. Панцирная пластинка пока не имеет аналогий а Горном Алтае, хотя за его пределами подобные пластины находят в курганах V-III вв. до н. э. (Матвеева, , 1987, с. 60-67; Генинг, 1993, с. 72-101 и др.). В лесостепном Алтае крупная прямоугольная пластина происходит из большереченской землянки VII-VI вв. до н. э. (Грязнов, 1956, с. 47, табл. IX, 8). Для определения времени существования поселения необходимо обратиться к керамическому материалу. Близкая орнаментация сосудов вдавлениями, "жемчужинами" и наклепными валиками обнаружена на поселении Аскат, датируемом V-IV вв. до н. э. (рис. 6-1-11; Шульга, 1992; Он же, 1995, с. 64). К сожалению, временные границы бытования валиковой керамики раннего железного века в Горном Алтае не совсем ясны. Вопрос этот требует отдельного рассмотрения, так как валик известен здесь уже в афанасьевской культуре и в эпоху бронзы (Деревянко, Молодин, 1994, рис. 65-5, 69-2; Степанова, 1994, с. 23; Кирюшин и др. , 1995, рис. 3-3, 4). Фрагмент венчика с гладким валиком обнаружен автором в насыпи раннескифского кургана куюмского типа у с. Узнезя (рис. 3-1). В пазырыкской культуре сосуды с наклепными валиками появляются в погребениях IV-II вв. до н. э. В ранних захоронениях VI-V вв. до н.э. они неизвестны. Исключением, возможно, является Первый Башадарский курган, но его датировка нуждается в уточнении (Руденко, 1960, с. 336; Суразаков, 1988, с. 59; Марсадоллов, 1985, с. 14-15). Аналогичная ситуация и в соседней быстрианской культуре, где погребения, содержащие сосуды с наклепными валиками, относятся к III-нач. II вв. до н. э. (Суразаков, 1988, с. 104-105, 109-110), как и сосуды с валиками быстрианского типа из пазырыкского могильника III в. до н. э. Майма-IV (Киреев, 1995, ч. 1, с. 110-114; Он же, 1988, рис. 2-1, 2). Здесь также обнаружен только один ранний сосуд с двумя наклепными валиками в могильнике VI-V вв. до н. э. Майма-XIX (Киреев, 1992, с. 41, рис. 1-5). В последнее время в предгорьях выделены ранние и поздние поселения быстрианской культуры с валиковой керамикой (Абдулганеев, Владимиров, 1991, с; 101, 105), но материалы пока не опубликованы.

Появление валиков на пазырыкской посуде из курганов относилось А.А. Гавриловой к шибинскому времени и связывалось с южными районами (Гаврилова, 1957, с. 267). В.Д. Кубарев присутствие валиков объяснял

"восточным хуннским влиянием" (Кубарев, 1987, с. 47), В.А. Могильников - воздействием на пазырыкцев населения предгорий и низкогорий Северного Алтая (Могильников, 1988, с. 80), автор - проникновением населения из Казахстана (Шульга, 1990, с. 85). Ни одна из приведенных точек зрения не обосновывалась должным образом и не утвердилась. Хотя, на наш взгляд, все они отмечают различные аспекты непростого процесса сложения в Горном Алтае и предгорьях керамических комплексов раннего железного века с валиковой керамикой. Что же касается датировки куротинской валиковой керамики, то можно предположить ее происхождение от позднебронзовой валиковой керамики Казахстана и степного Алтая, просуществовавшей до VIII-VII вв. до н. э. (Ломан, 1987; Удодов, 1988; Могильников, 1995, с. 84 и др.). Исходя из этого, в куротинской керамике можно выделить ряд архаичных черт: 1) орнаментация под валиком (четыре сосуда, рис. 3-11-13); 2) близкое расположение валика к венчику, в 1-2 см (рис. 3-8, 11, 15, 18); 3) отвисание валика (четыре сосуда, рис. 3-3, 4). Указанные особенности отличают куротинскую керамику от аскатской в сторону удревнения, хотя по форме сосудов и венчиков, орнаментации валиков они очень близки (рис. 6) (Шульга, 1992). Поселение Куротинский Лог-1 предварительно отнесено нами к VI-IV вв. до н. э.

Горшковидные или баночные сосуды с носиком-сливом, обломки которых найдены на поселении (рис. 4-25), имеют довольно поздние аналогии в погребениях IV-III вв. до н. э. (Могильников, 1983, рис. 2-5; Степанова, Неверов, 1994, рис. 4-4). Фрагменты подобных сосудов обнаружены автором еще на четырех поселениях раннего железного века, где они орнаментировались "жемчужником" с разделителем из округлых вдавлений или сопровождалась керамикой с такой орнаментацией: на р. Сентелек в Чарышском районе Алтайского края (Шульга, 1996, рис. 57, 1), на поселениях Черный Ануй-3 (рис. 4-26, 27), Теректа и Элекмонар-4. Как видим, встречаются они почти по всему Горному Алтаю на памятниках с заметным влиянием культур казахстанских и алтайских степей. Эти данные не подтверждают предполагаемой датировки поселения VI-IV вв. до н. э., но и не противоречат ей, поскольку реннескифскую поселенческую керамику мы знаем слабо. По-видимому, многие наблюдаемые нами в VI-II вв. до н. э. керамические комплексы сложились значительно раньше - в VIII-VII вв. до н.э. и продолжали существовать длительное время. Так, своеобразная кастахтинская орнаментация пояском редких угловых вдавлений, иногда в сочетании с округлыми вдавлениями, обычно без "жемчужника" и валиков (Шульга, 1996а, рис. 6-14, 17, 21-23), найдена в раннескифских курганах VIII-VI вв. до н. э. - в могильниках Бийке (Тишкин, Харченко, 1990, рис. 1-3) и, возможно, Усть-Куюм (Степанова, 1996, рис. 1-2), во Втором Башадарском кургане VI в. до н.э. (Руденко, 1960, рис. 42, б), в близком ему Первом Башадарском кургане (Руденко, 1960, с. 43) и в кургане №7 из Катонского могильника III-II вв. до н. э. (Сорокин, 1966, рис. 18-13, с. 57; Суразаков, 1988, с. 114). Аналогичную сводку можно сделать для валиковой керамики элекмонарского и куротинского типов. С раннескифского времени также появляется и простейшая орнаментация - одна строчка вдавлений или

"жемчужин" (Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982, с. 64; Марсадолов, 1987, с. 63; находки автора в кургане на поселении Партизанская Катушка у с. Узнезя, рис. 3-2). Поселения с валиковой керамикой в Горном Алтае связывались автором с населением, оставившим погребения пазырыкского типа (Шульга, 1990, с. 85). Однако проблема идентификации поселенческих и погребальных комплексов до сих пор не решена, и все поселения Горного Алтая второй половины 1 тыс. до н. э. по-прежнему рассматриваются в рамках единой пазырыкской культуры. Определяются три типа орнаментации валиковой керамики и территории их распространения.

I тип. Выявлен на Центральном Алтае и средней Катунь (поселения Куротинский Лог-1, Аскат-2, Партизанская Катушка и др.). Орнаментация простейшая: наклепной валик сочетается с одной строчкой округлых вдавлений или жемчужин. В орнаментации сопутствующей керамики "жемчужник" с разделителем округлыми вдавлениями почти не встречается (Куротинский Лог-1) или содержание его незначительно.

II тип. Выявлен в районе средней Катунь между селами Чемал и Усть-Сема (поселения Элекмонар-4, Узнезя-1). Помимо имеющихся на керамике I типа двух сочетаний, присутствует третий - в виде пояска "жемчужин" с угловым разделителем. В орнаментации сопутствующей керамики представлен "жемчужник" с разделителем из угловых или округлых вдавлений.

III тип. Поселения расположены в северных предгорьях Алтая. Относятся М.Т. Абдулганеевым к быстрянской культуре. Насчитывается около 20 сочетаний валика с другими видами орнамента (Абдулганеев, 1994, с. 106). Валик повсеместно сочетается с пояском "жемчужин" с различным разделителем, но элекмонарский тип орнаментации не встречается.

Пока трудно сказать, как далеко вниз по Катунь от с. Аскат встречается керамика куротинского типа. Подобная орнаментация есть в 50 км севернее на многослойном поселении Муны-1. Судя по кратким сообщениям, работы здесь ограничились сборами и подчисткой. Вскрытая площадь и количество венчиков не указываются (Молодин, Петрин, 1985, с. 59-62, рис. 5-7; Бородовский, 1994, с. 18-19; Он же, 1995б, с. 92-93; он же, 1995а, с. 235). Поэтому привлекать эти материалы нужно с осторожностью. Где-то здесь, по имеющимся данным, проходила граница с носителями валиковой керамики предгорного типа, распространявшейся по правому берегу Катунь до р. Едрала у с. Манжерок (Молодин, Петрин, 1985, рис. 5-3).

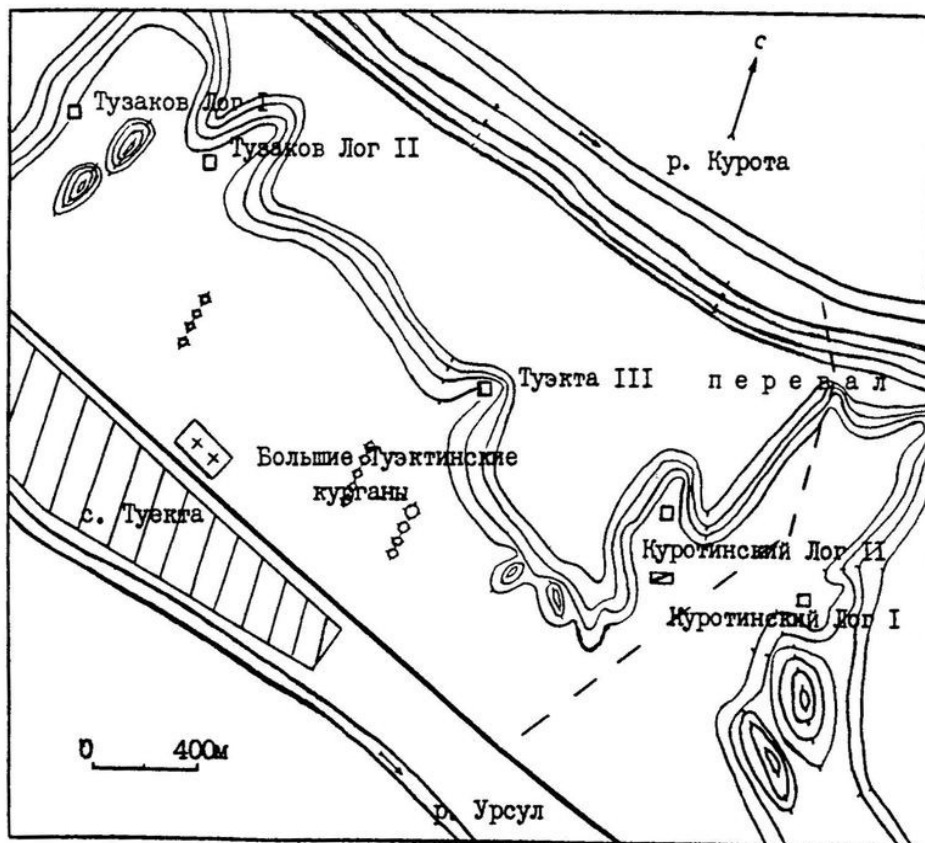
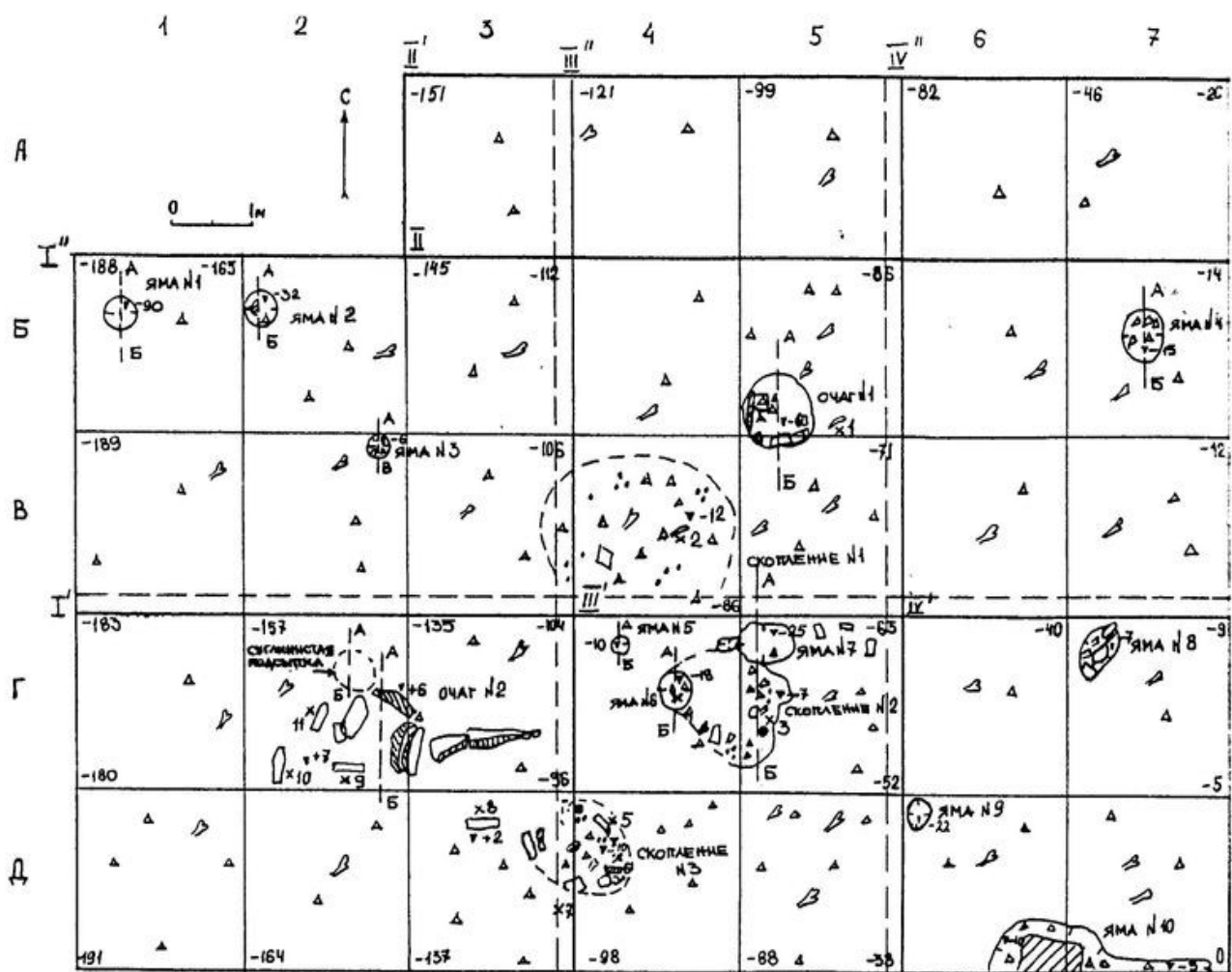

Рис.1. Схема расположения памятников у с. Туэкта.

НАХОДКИ

Рис. II. Поселение Куротинский Лог - 1. План раскопа.

- 1 - РЕБРО - ЛОЩИЛО
- 2 - ОБЛОМОК КУРАНТА
- 3 - ПОДЕЛКА ИЗ РОГА
- 4 - ПРЯСЛЦЕ
- 5 - КУРАНТ
- 6 - НИЖНИЙ КАМЕНЬ
ЗЕРНОМЕРКИ
- 7 - КОСТЯНАЯ ПЛАСТИНКА
- 8 - ЗАГОТОВКА КУРАНТА
- 9 - КУРАНТ
- 10 - ЗАГОТОВКА КУРАНТА
- 11 - КУРАНТ

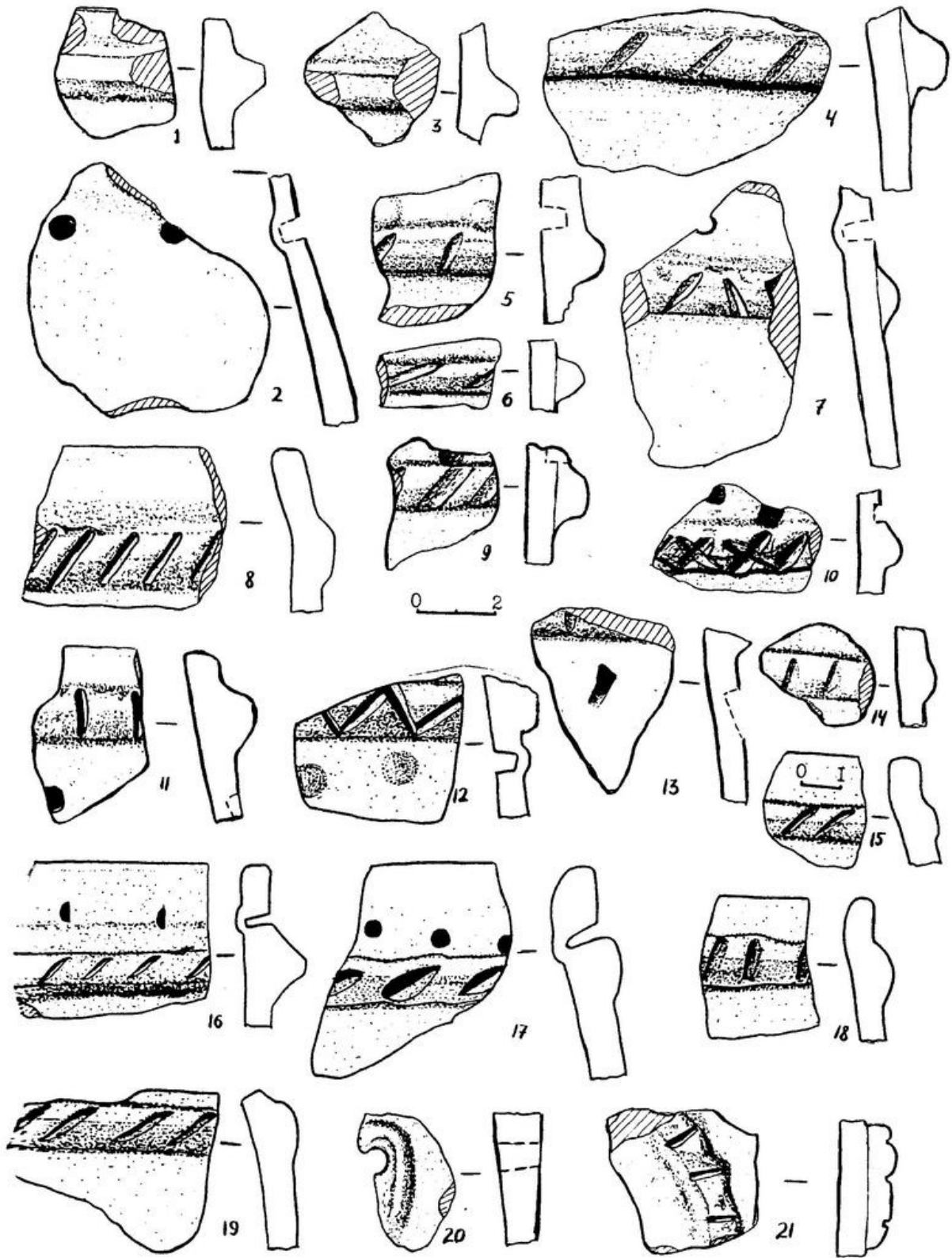

Рис. III. Поселение Куротинский Лог-1. Валиковая керамика (3-21), керамика из кургана на поселении Партизанская Катушка (1,2).

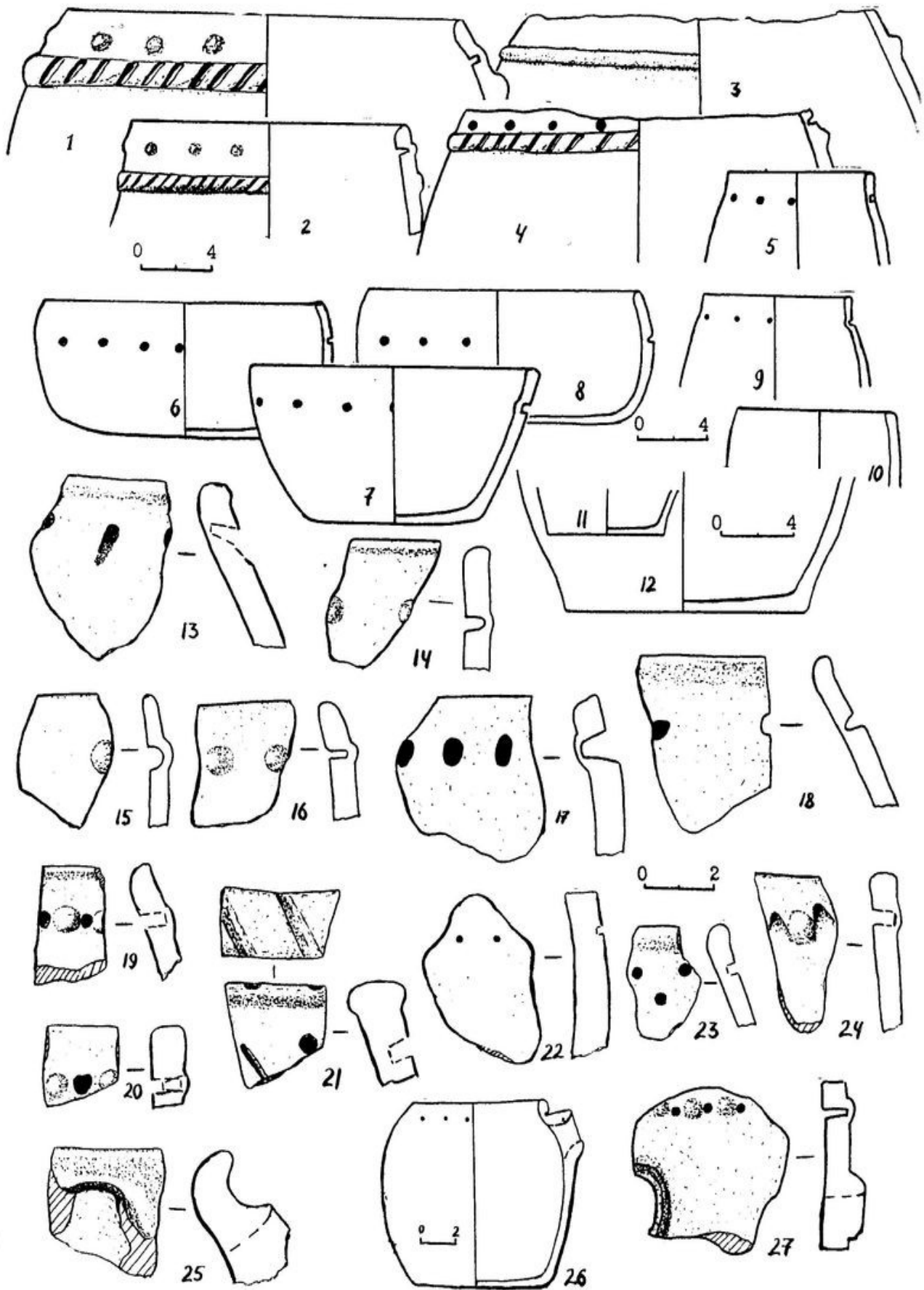

Рис. IV. Поселение Куротинский Лог - 1. Встречаемые формы сосудов и орнаменты (1-18), редкие орнаменты (19-24), обломок носика-слива (25). Сосуды с носиком-сливом из поселения Черный Ануй-3 (26, 27).

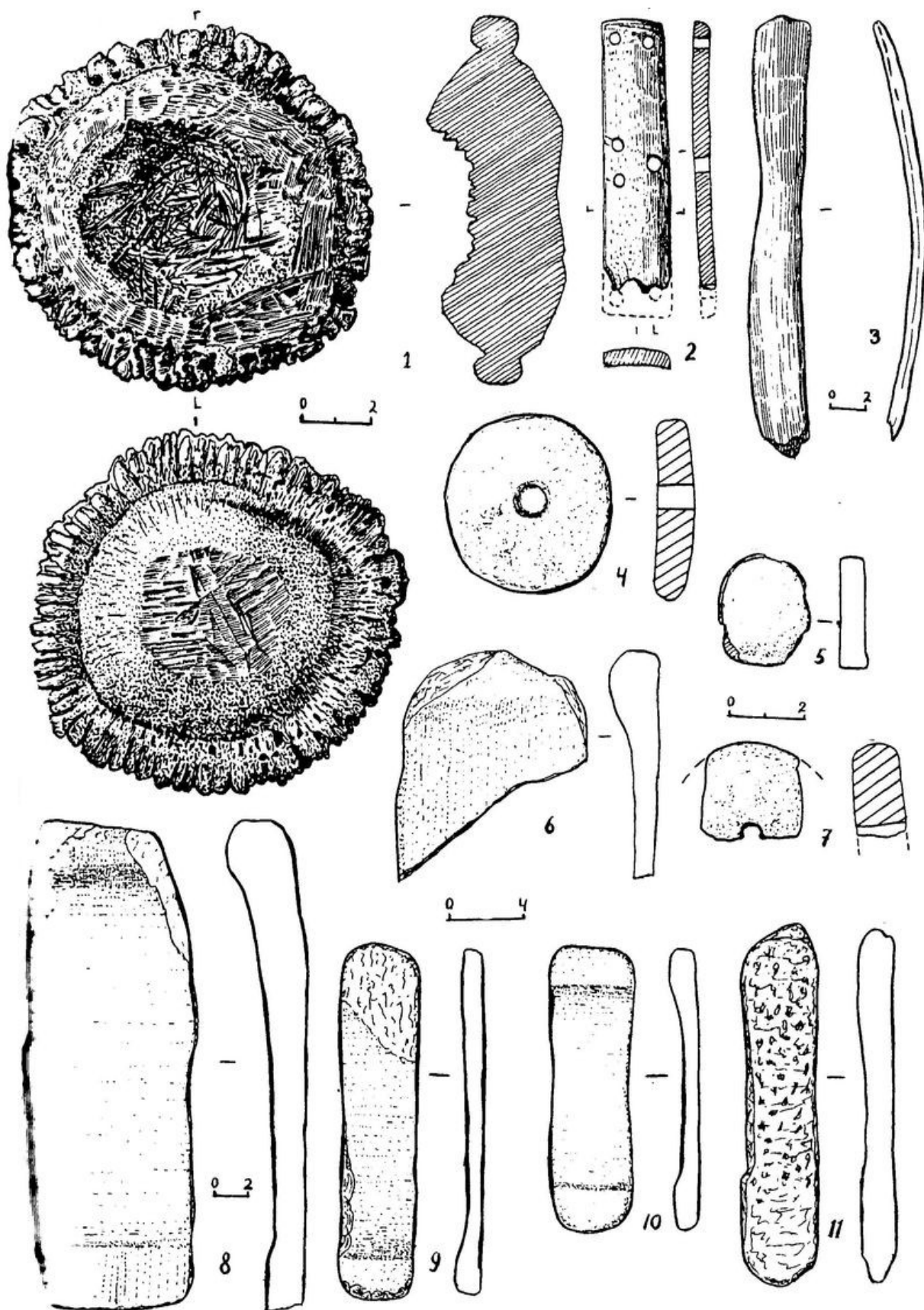

Рис. V. Поселение Куротинский Лог-1. Заготовка из рога марала (1), панцирная пластина (2), ребро-вошило (3), пряслица (4,7), «фишка» (5), нижний камень зернотерки (6), куранты (8-10), заготовка куранта (11).

общее кол-во костей	кол-во определенных костей (100%)	количество в %							
		лошадь	овца	коза	к.р.с.	косуля	олень	кабан	лось
1193	646	42,6	23,2	5,4	23	4,7	0,7	0,3	0,1

Табл. 1. Поселение Куротинский Лог-1. Раскопки 1988 г. и 1992 г. Остеологический материал.

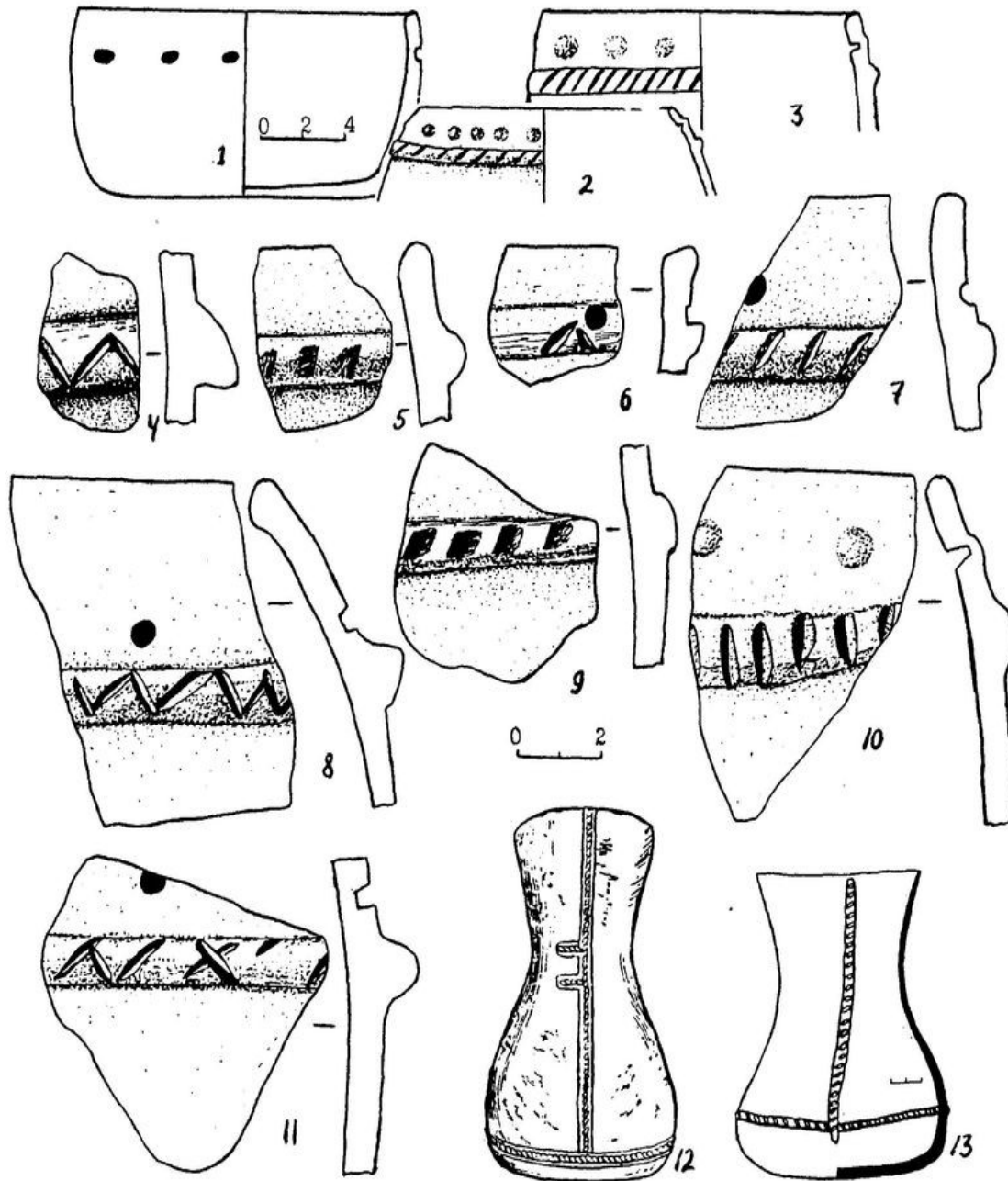

Рис. VI. Поселение Аскат-2 — чаша и валиковая керамика (1-11). Роговой «барабан» из второго пазырыкского кургана (12), керамический сосуд из мог. Покровский Лог-5, к. №3

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулганеев М.Т. Валиковская керамика раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. -Барнаул, 1994. -С. 106-109.

Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Статистическая обработка керамики и периодизация поселений лесостепного и предгорного Алтая второй половины 1 тыс. до н.э. // Проблемы хронологии в археологии и истории. -Барнаул, 1991. -С. 93-107.

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. -Барнаул, 1982. -С. 52-77.

Бородовский А. П. К вопросу о керамике, имитирующей швы кожаной посуды (по материалам курганной группы Быстровка-1) // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. -Новосибирск, 1983. -С. 51-56.

Бородовский А. П. Многослойный поселенческий комплекс Муны-1 на нижней Катунь // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. -С. 18-22.

Бородовский А.П. Исследования на нижней Катунь и юге Новосибирского Приобья // Археологические открытия 1994 года. М. , 1995а. С. 253.

Бородовский А.П. Исследования на нижней Катунь и Верхнем Приобье // Обзор 1993 год. -Новосибирск, 1995б. -С. 92-94.

Гаврилова А.А. Раскопки второго Катандинского могильника // СА. -1957. - т. 27, С. 250-268.

Гальченко А.В., Шульга П.И. К вопросу об интерпретации костных остатков на материалах поселений раннего железного века Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. -Барнаул, 1992. -С. 94-106.

Гельмель Ю.И., Демин М.А., Шульга Н.Ф., Шульга П.И. О ходе работ по созданию Сентелекского археологического заповедника // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. -Барнаул, 1996. -С. 109-114.

Генинг В. Ф. Большие курганы лесостепного Приобья (IV-II вв. до н. э.) // Кочевники урало-казахстанских степей. -Екатеринбург, 1992. - С. 72-101.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка // МИА, №48-М. -Л. , 1956. -160с.

Древние культуры Бертекской долины. - Новосибирск, 1994. -223с.

Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. -Новосибирск, 1994. 261с.

Завитухина М.П. Курганы у с. Быстрянского в Алтайском крае // АСГЭ. Вып. 8, Л., 1986. - С. 61-77.

Киреев С.М. Майминский археологический комплекс // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. -Горно-Алтайск, 1988. С. 162-182.

Киреев С.М. Курганы Майма XIX // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. -Барнаул, 1992. -С. 39-50.

Киреев С.М. Спасательные работы на могильнике Майма-IV // Сохранение

и изучение культурного наследия Алтайского края. -Вып. 5, Ч. 1. -Барнаул, 1995. -С. 110-114.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Степанова Н.Ф., Кунгурова Н.Ю. Поселение Сары-Бел // Известия лаборатории археологии №1. -Горно-Алтайск, 1995. -С. 6-19.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. -302 с.

Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. -189 с.

Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. -Томск, 1984. -191с.

Кунгуров А.Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескень-3 // Археология Горного Алтая. -Барнаул, 1994. -С 43-58.

Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. - Караганда, 1987. -С. 115-129.

Марсадоллов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII-IV вв. до н. э.) - Автор, дис. канд. ист. наук. -Л. , 1985. -16с.

Марсадоллов Л.С. Керамические сосуды в памятниках Горного Алтая VIII-VII вв. до н. э. // Проблемы археологии степной Евразии. Ч. 2. Кемерово, 1987. - С. 62-66.

Матвеева Н.П. Погребение знатного воина в Красногорском 1 могилнике // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. -С. 60-67.

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар II-V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине 1 тысячелетия до н. э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983. -С. 40-71.

Могильников В.А. Курганы Кер-Кечу // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. -Горно-Алтайск, 1988. -С. 60-107.

Могильников В.А. Поселение Гилево 1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. -Вып. 5. Ч. 2. -Барнаул, 1995. -С. 78-84.

Молодин В.И. Укок - 1995 - новые находки и открытия //III годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН. Ноябрь, 1995 г. - Новосибирск, 1995. -С. 87-89.

Молодин В. И. , Петрин В. Т. Разведка в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. -Барнаул, 1985. -С. 50-73.

Молодин В.И., Новиков А.В., Черемисин Д.В. Археологические памятники долины Мойнак и ближайших окрестностей (Горный Алтай, плоскогорье Укок) // Археология вчера, сегодня, завтра. - Новосибирск, 1995. -С. 121-160.

Руденко СИ. Культура населения Горного Алтая в скифское время. -М. -Л. 1953. 402с.

Руденко СИ. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. - М. - Л., 1960. - 359с.

Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы. -АСГЭ. Вып. 8. -Л. , 1966. - С. 39-60.

Степанова Н. Ф. Поселение Узнезя-1 // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. -Горно-Алтайск, 1994. -С. 19-26.

Степанова Н. Ф. Охранные раскопки на Усть-Куюмском могильнике // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. -Барнаул, 1996. - С. 115-119.

Степанова Н.Ф., Неверов С.В. Курганный могильник Верх-Еланда II // Археология Горного Алтая. -Барнаул, 1994. -С. 11-24.

Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. -Горно-Алтайск, 1988. -215с.

Тишкин А.А., Харченко Т.В. Раскопки пяти курганов могильника Бийке в Горном Алтае// Охрана и использование археологических памятников Алтая. -Барнаул, 1990, -С 67-70.

Удодов В.С. Эпоха поздней бронзы Кулунды (к постановке вопроса) // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. - Барнаул, 1988, -С. 107-110.

Шульга П. И. Исследование поселений раннего железного века в Горном Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая. - Барнаул, 1990. -С 83-87.

Шульга П.И. Раскопки "скифского" поселения Аскат-II на средней Катунь // Проблемы созранения, использования и изучения памятников археологии. - Горно-Алтайск, 1992. - С. 64-65.

Шульга П. И. Поселение Элекмонар-4 на средней Катунь // Известия латоратории археологии№1. - Горно-Алтайск, 1995. -С. 59-75.

Шульга П.И. Поселение Чепош-2 на средней Катунь // Археология, антропология и этнография Сибири. -Барнаул, 1996а. - С. 106-123.

Шульга П.И. Памятники археологии. Чарышский район // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. - Барнаул, 1996б. - С. 228-234.